

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)

Институт истории

Зав. кафедрой
истории славянских
и балканских стран
д.и.н., профессор
_____ /А.И.Фильошкин/

Председатель ГАК,
д. культурологии, профессор
_____ /Калашникова Н.М./

Выпускная квалификационная работа на тему:

**Отражение польского восстания 1830-1831 гг. в петербургской
периодической печати**

по направлению 030603 – История
профиль: Всеобщая история

Рецензент:
д.и.н., ведущий научный
сотрудник СПб ИИ РАН,
Андреева Т.В.
_____ (подпись)

Выполнил:
студентка 4 курса
дневного отделения
Шашкова Анастасия
Юрьевна

Научный
руководитель:
д.и.н., доцент
Аржакова Л.М.
_____ (подпись)

Работа представлена в комиссию
«___» _____ 2016 г.
Секретарь комиссии:

Санкт-Петербург
2016

Содержание

Введение

Глава 1. Газеты «Северная Пчела», «Русский Инвалид» и «Tygodnik Petersburski» в 1830-1831 гг. 10

1.1. Северная Пчела 10

1.2. Tygodnik Petersburski 18

1.3. Русский Инвалид 25

Глава 2. Образы *польского* в контексте событий Польского восстания 1830-1831 гг. 28

2.1. Петербургские газеты о причинах Восстания 28

2.2. Петербургская пресса о национальном аспекте в Восстании 1830 – 1831 гг. 38

Заключение 51

Список источников и литературы 54

Приложение 1

Приложение 2

Приложение 3

Введение

Польские восстания XIX века – это одна из самых трагичных страниц русско-польских отношений. Отголоски этих противоречий, равно как и события не столь давние, во многом определяют модель взаимоотношений России и Польши и в наше время. Восстание 1830-31 гг., которое в польской историографии принято называть Ноябрьским, занимает в череде русско-польских конфликтов особое место. 20-30-е годы XIX века – это время расцвета, как русской, так и польской культуры, ведь именно тогда творили Мицкевич и Пушкин, те, кто оказал огромное влияние на общественное мнение не только современников, но и потомков. Поэтому можно с уверенностью говорить, что это Восстание сыграло большую роль в формировании в российском обществе так называемого «Польского вопроса».

В отечественной историографии существует достаточно крупное направление, представители которого занимаются именно проблемой преломления в общественной мысли Российской Империи образов *польского*. В советской исторической и филологической науке сложился достаточно большой комплекс литературы, посвященной большой теме, которую условно можно назвать «Пушкин и Польское восстание 1830-1831 гг.». Вопрос этот чрезвычайно важен, так как за некоторыми исключениями¹, практически все советские штудии, посвященные польскому вопросу в Российской Империи касаются исключительно её. Связан этот интерес, скорее всего с большой значимостью фигуры А.С.Пушкина в советской официальной идеологии, который породил определенный парадокс: как

¹ Фруменков Г.Г. К вопросу об отношении передовых представителей русского общества к восстанию в Польше 1830-1831 гг.// Сборник трудов Архангельского Государственного Педагогического Института им. М.В.Ломоносова, 1958. Вып. 2. С. 50-65. Вопрос в том же ключе рассматривается и в: Федосов И.А. Революционные кружки в России конца 20-х – начала 30-х гг. XIX века// Исторические записки, 1957. №59. С.211-254.

великий русский поэт, борец за свободу, представитель «наиболее прогрессивной части»² русского общества, друг Мицкевича, мог резко отрицательно относиться к Восстанию? Обойти этот вопрос стороной оказалось невозможно, и советская историография предлагает несколько вариантов ответа на него. Один из вариантов представлен в формулировке Д.Д.Благого: «Пушкин не смог увидеть и понять объективно освободительной стороны восстания»³, вариант, предложенный В.А.Дьяковым, предполагает, что «восстание в Польше породило волну шовинизма настолько сильную, что в определенной мере она увлекла даже А.С.Пушкина»⁴, наконец, некоторые советские исследователи, как утверждает Л.Фризман, полагали, что Пушкин, наоборот, сумел увидеть порочность буржуазного Восстания, которое осуществлялось в интересах польской шляхты⁵. Сам Фризман во многом способствовал установлению в постсоветской историографии более взвешенного и рационального подхода к проблеме, предлагая посмотреть на отношение Пушкина к польскому восстанию и полякам, исходя из принципов историзма, отбросив всякую спекуляцию именем Пушкина в этом вопросе⁶. Хотя тема «Пушкин и

² Цитата из статьи С.М. Фалькович, написанной уже не в Советском Союзе, но всё ещё находящейся в, на наш взгляд, в рамках советской парадигмы восприятия польского вопроса. См. Фалькович С.М. Концепции славянского единства в польской и русской общественной мысли: Эпоха национально-освободительных восстаний// Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. С. 108

³ Благой Д.Д. Пушкин в неизданной переписке современников (1815-1837)// Литературное наследство. М. 1952. Т.58. С.19. Цит. по: Аржакова Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. – СПб., 2010. С 67.

⁴ Очерки революционных связей народов России и Польши: 1815-1917. М. 1976. С.85

⁵ Фризман Л. Пушкин и польское восстание 1830-1831 гг.// Вопросы литературы. 1992. Вып 3.С.216

⁶ Там же. С. 209-237.

польский вопрос» все ещё часто обращает на себя внимание исследователей⁷, однако справедливо будет сказать, что она уже занимает не центральное место. Большую связь с этой традицией можно обнаружить в том направлении, которое обозначил своими трудами и организационной деятельностью В.А.Хорева, известного филолога, специалиста по имагологии: под его редакцией вышли знаковые для отечественной исторической имагологии сборники: «Поляки и русские в глазах друг друга»⁸, «Россия-Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре»⁹, «Отзвуки Шопена в русской культуре»¹⁰ и др.

Для постсоветской историографии так же характерно внимание к так называемому «польскому вопросу»: подобная постановка проблемы о характере русско-польских отношениях позволяет наиболее разносторонне рассмотреть этот вопрос. Так, в рамках этой историографической тенденции исследователями рассматриваются вопросы трансляции польского вопроса в

⁷ Кушаков А.С. Пушкин и Польша. Тула, 1990. Липатов А.В. Пушкин и Мицкевич: Личная дружба или творческое содружество?// А.С.Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000, Он же. Мицкевич и Пушкин: Образ на фоне историографии и историсофии// Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. Мочалова В.В. Польская тема у Пушкина// А.С.Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000; Муравьёва О.Н. «Вражды бессмысленной позор»: Ода «Клеветникам России» в оценках современников// Новый мир. 1994. №6. С. 198-204. Пушкарев А.С. «Вы грозны на словах – попробуйте на деле»: А.С.Пушкин как выразитель русского общественного мнения о Польском восстании 1830-1831 гг.// Наш современник. 2001. №6. Шайтанов И.О. Пушкин и польский вопрос в контексте идеи всемирной истории// Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 76-85.

⁸ Поляки и русские в глазах друг друга. М.: Индрик, 2000. – 272 с.

⁹ Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002. – 344 с.

¹⁰ Отзвуки Шопена в русской культуре. М.: Польский культурный центр; Издательство «Индрик», 2012. 192 с.

область историографии¹¹, общественного мнения¹², отдельных представителей русского общества¹³ имперской политики¹⁴, формирования стереотипов и образа «другого»¹⁵. Особое внимание стоит уделить трудам,

¹¹ Аржакова Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. – СПб., 2010. – 346 с. Аржакова Л.М., Якубский В.А. Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. // *Albo dies 504 notanda lapillo*. Коллеги и ученики – Г.Е. Лебедевой (Византийская библиотека). – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 173–193.

¹² Жуковская Т.Н. Польский вопрос и русское общество в 1815–1825 гг. / Т.Н. Жуковская // Памяти Ю.Д. Марголиса: письма, документы, научные работы, вос- 512 поминания. СПб.: Серебряный век. Контрфорс, 2000. – С. 612–629.

¹³ Аржакова Л.М. «Польские» статьи М.П. Погодина 1830-х гг. // *Славянский альманах*. 2007. – М.: Индрик, 2008, Бачинин А.Н. Россия и Польша в историко-политической публицистике М.П. Погодина / А.Н. Бачинин // *Балканские исследования*. – М.: Институт славяноведения и балканистики, 1992. – Вып. 16. – С. 167–179. Великодная И.Л. Петр Вяземский и Франтишек Моравский. Эпизод из истории русско-польских литературных отношений // *Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание*. М.: Индрик, 2000. – С. 120–125. Глушковский П. Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. – СПб.: Алетейя, 2013. – 232 с. Мочалова В.В. Петербургские поляки (Сенковский, Булгарин) и Мицкевич // *Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре*. – М.: Наука, 2007. С. 118–135. Парсамов В.С. Польский вопрос и русское общество между Венским конгрессом и польским восстанием 1830–1831 годов // *Известия Саратовского университета. Новая серия*. – 2003. – Вып. 1. – С. 119–144

¹⁴ Горизонтов Л.Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи. 1831 г. – начало XX в.: Ключевые проблемы. Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 1999. – 40 с. Он же. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л.Е. Горизонтов. – М.: Индрик. 1999. – 272 с.

¹⁵ Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов / Л.Е. Горизонтов // *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России*. М.: 2004. – С. 62–75. Он же. Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил» / Л.Е. Горизонтов // *Автопортрет славянина*. – М.: Индрик. 1999. – С. 143–167. Де Лазари А., Рябов О. Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика. Иваново, 2007. Лескинен М.В. Поляки и

написанным в русле т.н. «новой имперской истории», один из видных представителей этого течения, М.Долбилов посвятил польскому вопросу не одну работу¹⁶.

Польский вопрос, или «Kwestia Polska» также занимает в польской историографии и литературоведении видное место, причем рассматривается он очень часто именно в контексте Польского Восстания 1830-31 гг. Среди представителей этого направления стоит назвать Й Орловского¹⁷, Э.Кухарскую¹⁸, В.Бортновского¹⁹, Х.Глембоцкого²⁰, Ч.Клака²¹ и других.

финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. – М.: Индрик, 2010. – 368 с. Липатов А.В. Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (Государство и гражданское общество)// Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002. – С. 134–155. Фалькович С.М. Представления русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа// Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М.: Индрик, 2002. – С. 99–109. Филатова Н.М. Русские и поляки в Королевстве Польском (1815–1830): стереотипы взаимного восприятия / Н.М. Филатова // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М.: Индрик, 2002. – С. 110–118. Она же. Образ врага в польской повстанческой поэзии 1830–1831 гг. / Н.М. Филатова // Культура сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2006. – С. 85–102.

¹⁶ Долбилов М.Д. Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. – М.: Новое литературное обозрение. 2012. – Т. 2. – С. 292–339. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II– М.: Новое литературное обозрение. 2010. – 999 с.

¹⁷ Orłowski J. Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej. Warszawa, 1992. Он же – составитель сборника: Miecze i galazke oliwne. Antologia poezji Rosyjskiej o Polsce// Wyb. J. Orłowski. Warszawa, 1995.

¹⁸ Kucharska E. Echo powstania Listopadowego w literaturze rosyjskiej// Zeczyty naukowe WSP w Opolu. Filologia Rosyjska. I. Opole, 1962.

¹⁹ Bortnowski W. Powstanie listopadowe w oczach Rosjan. – Warszawa: Zakł. Graf. Politechniki Warsz., 1964. – 241 s.

Отдельно среди польских исследователей следует выделить краковского историка А.Новака, автора монографий о месте Польши в Империи²².

Все же, вопрос об отражении событий Польского восстания 1830-31 гг. в периодической печати остаётся недостаточно исследованным в отечественной историографии. Однако важность рассмотрения данного вопроса не вызывает сомнений: будучи в тот период времени единственным доступным видом средств массовой информации, именно периодическая печать создавала определённый образ какого то ни было события в массовом сознании. В условиях жёсткой цензуры николаевского правления данный образ можно назвать более-менее унифицированным. Именно по этой причине было принято решение рассмотреть в работе три газеты, издававшиеся в столице империи в рассматриваемый нами период.

При написании исследования было поставлено две основные цели:

1. Рассмотреть отдельные материалы газет «Северная Пчела», «Русский Инвалид» и «Tygodnik Petersburski» как источник по истории формирования образов польского в Российской Империи первой половины XIX века.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

²⁰ Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856– 1866)– Kraków: Arkana, 2000. – 581 s

²¹ Kłak Cz. Romantyczne tematy i dylematy. Echa powstania listopadowego w literaturze, historiografii i publicystyce – Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1992. – 207 s.

²² Nowak A. Od Imperium do Imperium: Spojrzenia na historię Europy Wschodniej. – Kraków: Arkana, 2004. – 399 s. Ibidem. Jak rozbić Rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej (1733– 1921) / A. Nowak. – Kraków: Arcana, 1999. – 372 s.

- 1) На основе подшивок газет «Северная Пчела» Русский Инвалид» и «Tygodnik Petersburski» 29 ноября 1830 г. – 7 октября 1831 г. составить сводные таблицы с содержанием газет за указанный период.
- 2) Охарактеризовать общее состояние газет в рассматриваемый период.
2. Выявить, какая система образов, связанных с *польским*, предстает перед нами со страниц газет.

Для достижения этой цели были поставлены такие задачи:

- 1) Выявить, как себе представляли авторы газет причины и предпосылки начала Восстания
- 2) Каковы образы поляка и литовца на страницах «Северной Пчелы», Русского Инвалида» и «Tygodnik Petersburski» - как они отличаются друг от друга.

Исходя из поставленных нами целей и задач исследования, было принято решение разделить её на две главы: «Газеты «Северная Пчела», Русский Инвалид» и «Tygodnik Petersburski» в 1830-1831 гг.» и «Образы *польского* в контексте событий Польского восстания 1830-1831 гг.».

Глава 1. Газеты «Северная Пчела», «Русский Инвалид» и «Tygodnik Petersburski» в 1830-1831 гг.

1.1. Северная Пчела

Газета «Северная Пчела» издавалась в Санкт-Петербурге с 1825 по 1864 года. Идея её создания принадлежала Николаю Гречу, он же стал и главным её редактором, однако в его компетенцию, прежде всего, входили финансовые и цензурные вопросы. При рассмотрении «Северной Пчелы» как источника по истории Польского восстания 1830-1831гг. нам, однако, стоит остановиться, прежде всего, на личности второго её редактора, Фаддея Венедиктовича Булгарина²³.

Ф.В.Булгарин – личность крайне неоднозначная, вызывающая множество споров, как в отечественной, так и в польской историографии. Будучи уроженцем Великого Княжества Литовского, имея польское происхождение и будучи католиком по вероисповеданию, он, тем не менее, был горячим сторонником политики России по отношению к Польше. Не вдаваясь в подробности его биографии, отметим, что автору близка позиция П.Глушковского, в своей недавно изданной книге «Ф.В.Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений» писавший о сложной, «имперской» идентичности Булгарина²⁴. Так или иначе, тот факт, что личность Булгарина, литературного редактора «Северной Пчелы», оказала сильнейшее влияние на её содержание, ни в коем случае нельзя упускать из виду. Особенно это актуально, когда мы говорим о его тесных связях с III Отделением, негласным печатным органом которого стала «Северная Пчела». Казалось бы, вместе с газетой «Русский

²³ Глушковский П. Фаддей Булгарин – популяризатор польской культуры в России//Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. – М., 2011.

²⁴ Глушковский П. Ф.В.Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. – СПб.: Алетейя, 2013.

инвалид»²⁵, газета должна была стать выразителем мнения правительственных, «реакционных» кругов русского общества на события, происходившие в Царстве Польском в 1830-1831 гг., однако, как это будет показано позднее, даже те круги общества, которые принято называть «либеральными», оказывались полностью солидарными с мнением, которое выражалось «Северной Пчелой».

Этот факт не должен удивлять, ведь в условиях отсутствия каких-либо иных средств массовой информации именно периодическая печать снабжала просвещенную часть русского общества основными сведениями о событиях в Польше. Особенно это заметно в условиях жёсткой цензуры Николаевской России, когда даже газете, непосредственно связанной с III отделением и Цензурным комитетом, приходилось задерживать материалы на два-три, а иногда и на пять дней после их получения (сведения об этом можно найти на нижнем колонтитуле четвёртой полосы каждого из номеров «Северной Пчелы»). Надо сказать, что, по свидетельствам современников, в тридцатые годы XIX века «Северная Пчела» пользовалась необыкновенной популярностью и обладала наибольшим тиражом и, как следствие, распространением по всей России²⁶.

Можно только гадать, связано ли изменение в периодичности выхода «Северной Пчелы» с рассматриваемыми нами событиями, но факт остаётся фактом: именно с января 1831 года газета перешла на ежедневный (кроме праздников и выходных) режим, хотя до этого она выходила только три раза в неделю²⁷.

В этой связи стоит упомянуть о частоте упоминания Польского восстания 1830-31 гг. на страницах газеты в период с ноября 1830 г. по

²⁵ Краюшкина Н.И. «На взятие Варшавы» в контексте официальной журналистики начала 1830-х гг.// Вестник Адыгейского Государственного университета. №1. 2010 г. С.192

²⁶ Пржецлавский О.И. Цензура// Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М., 2010. – 912 с.

²⁷ Северная Пчела. 1830. №156. С. 2

октябрь 1831 г. Основываясь на данных составленной нами таблицы (см. приложение), можно сделать вывод, что упоминания о Польском восстании встречаются в более, чем половине номеров газеты – из двухсот сорока номеров о Восстании говорится в ста двадцати пяти²⁸. Обратим теперь внимание на частоту упоминания в различные периоды.

С 29 ноября²⁹ по 30 декабря 1830 года³⁰ из тринадцати номеров в девяти есть статьи и заметки о Польском восстании, что составляет почти 70%. В следующем месяце (с 2 по 31 января 1831 г.)³¹ мы встречаем те же девять номеров, однако, если учесть тот факт, что периодичность выпусков была увеличена почти в три раза, то процент упоминания покажется не таким уж внушительным – около 37%. Примерно ту же самую картину мы наблюдаем в период с 3 по 26 февраля 1831 года³². Из двадцати одного номера лишь в семи есть статьи, так или иначе связанные с Восстанием, что составляет примерно 33%. Уже с марта 1831 года (3-31 марта)³³ мы наблюдаем нарастание частоты упоминаний – из двадцати четырёх номеров о Восстании говорится в десяти. Итого – более 41%. Совсем другая ситуация наблюдается в апреле (1-30 апреля 1831)³⁴, где из 21 номера – в 18 упоминается Восстание, что составляет почти 86%. Далее мы наблюдаем некоторый спад. С 1 по 31 мая 1831 года³⁵ из двадцати четырёх номеров Восстание упомянуто в четырнадцати (чуть больше 58%). С 1 по 30 июня³⁶ – из двадцати четырёх – в двенадцати (ровно 50%). С 1 по 31 июля³⁷ – из двадцати шести – в тех же двенадцати (около 46%). Однако в следующем

²⁸ Такие упоминания о Восстании, как, например списки награждённых за военные успехи, проявленные на территории Царства Польского, нами не учитывались.

²⁹ Первое упоминание Восстания на страницах «Северной Пчелы» относится к 29 ноября 1831 года. См. Северная Пчела. 1830. № 143.С1, 5.

³⁰ Последний номер «Северной Пчелы» в 1830 году. См. Северная Пчела. 1830. №156

³¹ Северная Пчела. 1831. №№ 1-24.

³² Северная Пчела. 1831. №№25-46.

³³ Там же. №№47-71

³⁴ Там же. №№.72-94

³⁵ Там же. №№94-119

³⁶ Там же. №№120-143

³⁷ Там же. №№ 144-170

месяце обнаруживается очередной подъём: с 1 по 31 августа³⁸ – из двадцати трёх – тринадцать (более 56%). С 1 по 30 сентября³⁹ – из двадцати пяти – четырнадцать (те же 56%). Наконец, с 1 по 7 октября⁴⁰ лишь в одном номере ничего не говорится о Восстании⁴¹, что составляет более 87%.

Как можно видеть, обнаруживается чёткая связь между нарастанием интенсивности военных действий и частотой упоминания Восстания на страницах газеты. Это не должно казаться удивительным. Дело в том, что большая часть упоминаний относится как раз к новостям с театра военных действий. В этой связи следует рассмотреть, в каких рубриках размещались статьи и заметки, и каким образом редакторы «Северной Пчелы» создавали тот образ Польского восстания, который мы затем проследим в следующей главе.

Здесь стоит рассказать о структуре газеты. Объём газеты варьируется от четырёх (стандартный номер) до восемнадцати⁴² полос в рассматриваемый нами период. В основном, это из-за наличия при номерах так называемых «прибавлений». Эти прибавления бывают двух видов: новостные и библиографические. На первый взгляд в библиографические приложения не могут иметь никакого отношения к Восстанию, однако косвенные упоминания там присутствуют. Например, в библиографическом прибавлении к номеру от 9 апреля 1831 г. есть реклама книги, продающейся в лавке Смирдина «*Kilka Uwag o terazniejszej Rewolucji Polskiej*»⁴³ и её

³⁸ Там же. №№.171-194

³⁹ Там же. №№.195-220

⁴⁰ Северная Пчела. №№ 221-226

⁴¹ К 7 октября относится последнее упоминание о Восстании в «Северной Пчеле». Как справедливо отмечает П.Глушковский в своей уже упомянутой нами книге, более Польское Восстание страницах «Северной Пчелы» упоминаться не будет. Да и вообще, польская тема на долгие годы станет запретной для этой газеты.

⁴² Единственный номер такого объёма: Северная Пчела. 1831. №220.

⁴³ Северная Пчела. 1831. № 79. С.7.

французского аналога⁴⁴, а в прибавлении к №225 опубликован анонс «комического сочинения Н.Д.» под названием «Дверницкий со своими героями, или Национальный дух храбрости поляков»⁴⁵.

Однако большая часть «прибавлений» посвящена непосредственно событиям в Царстве Польском. Все они опубликованы с надписью на нижнем колонтитуле следующего содержания: «Опубликовано по приказанию Высшего Начальства в типографии Н.Греча»⁴⁶. Частота появления сюжета о Польском Восстании в Прибавлениях составляет 20%⁴⁷.

Можно классифицировать прибавления, связанные с Польским Восстанием, по нескольким категориям. Большую часть составляют донесения и рапорты из Действующей армии. Во всех, естественно, сообщается о военных действиях на территории Царства Польского. Авторы донесений достаточно скупы на замечания, не относящиеся к военным действиям. Авторы донесений следующие: вел.кн. Константин Павлович⁴⁸ (2 донесения), барона Розена⁴⁹ (2 донесения), гр. Ридигера (2 донесения), гр. Остен-Сакена⁵⁰ (3 донесения), гр. Палена, гр. Толстого, гр. Толя (по 1 донесению). Перу главнокомандующего И.И.Дибича-Забалканского принадлежит 13 донесений и рапортов⁵¹, а с № 142⁵² – донесения и рапорты уже идут за авторством нового главнокомандующего ген.-фельд. И.Ф.Паскевича-Эриванского. Стоит отметить интересную деталь: при публикации донесений и рапортов Дибича чаще всего указывалась только его

⁴⁴ «Quelques observations sur la derniere Revolution de Pologne»

⁴⁵ Северная Пчела. 1831. № 225. С.7.

⁴⁶ Всегда на последней странице «Прибавления»

⁴⁷ 49 номеров из 240

⁴⁸ *Константин Павлович* (1779-1831) – старший брат Николая I. В 1826-1830 гг. – наместник Императора в Царстве Польском

⁴⁹ *Роман Фёдорович Розен* (1782-1848) – генерал от инфантерии. В 1830-1831 гг. – командир 6-го Пехотного корпуса

⁵⁰ *Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен* (1789-1881) – генерал-лейтенант. Во время Польского восстания командовал Резервной Армией.

⁵¹ Последнее донесение ген.Дибича-Забалканского из Остроленки: Северная Пчела. № 117. С.5-10

⁵² Северная Пчела. 1831. № 142. С.7

должность «Главного командующего Действующей Армией», когда же в аналогичной ситуации, касающейся донесений Паскевича, указывается его полный титул, чин и должность. Это не кажется удивительным, если мы вспомним о том, как русское общество, да и сам Император предпочитал Паскевича Дибичу.

Стоит отметить, что 11 донесений опубликованы без авторства, однако их стиль не сильно отличается от донесений и рапортов, о которых было сказано выше. Особо стоит отметить прибавление к № 152 от 20 декабря 1830 года, где помещена аналитическая статья с разбором причин начала восстания⁵³. Об этой статье будет сказано ниже. Так же надо сказать отдельно о прибавлении к № 220 от 30 сентября 1831 года⁵⁴. В нем, помимо объёмного «Всепокорнейшего рапорта Главного командующего»⁵⁵, опубликованы и статистические данные по штурму Варшавы: Расписание войск, список убитых и список раненых или контуженных.

Несмотря на то, что большую часть материалов, опубликованных в Прибавлениях – это материалы новостного характера, там же печатались материалы другого характера. Приведём несколько примеров: в № 149 от 13 декабря 1830 года публикуется Манифест («Воззвание») Николая I к подданным⁵⁶ (об этом документе пойдет речь во второй главе исследования), в № 17 от 22 января 1831 г. – прокламация Главного командующего, обращённая к «Воинам Польским»⁵⁷, а в №67 (26 марта 1831) – Указ Николая I Правительствующему Сенату о введении военного уложения на территории Царства Польского и Литовских губерний⁵⁸.

⁵³ Там же. 1830. № 152. С.5-8

⁵⁴ Там же. 1831. № 220. С.7-18

⁵⁵ Там же. С.7-15

⁵⁶ Северная Пчела. 1830. №149. С. 5-6

⁵⁷ Там же. 1831. № 17. С. 5-7.

⁵⁸ Там же. №.67. С.5.

Самый большой процент заметок, содержание которых относится к Польскому восстанию, можно найти в рубрике «Внутренние известия» (более 20% от всего объёма). Объём этой рубрики в «Северной Пчеле» варьируется от одной до трёх полос: собственно, именно эта рубрика открывает содержимое газеты. Так же, как это было с «Прибавлениями», мы условно поделим заметки на несколько неодинаковых по объёму категорий.

Большую часть всех заметок о Польском восстании в этой рубрике – а ее название к этому обязывает – это новостные заметки. При этом их, в свою очередь, точно так же можно поделить на несколько групп.

Во-первых, это новости из Варшавы (8 заметок). Эти заметки сходны по содержанию: во всех них прослеживается мысль о том, что в варшавском обществе нет единого мнения по отношению к сложившейся ситуации и что все слои общества, помимо высшей аристократии, терпят большие бедствия и убытки⁵⁹. Данные заметки опубликованы без указания авторства, не указывается даже ссылка на личного информатора в Варшаве. Правда, одна из заметок, как говорится во вводке к ней, представляет собой перепечатанную статью из Прусской государственной газеты – в ней говорится о том, что происходят на заседаниях Варшавского Сейма⁶⁰. Не обходит стороной «Северная Пчела» и события в Литовских губерниях – этому посвящены три заметки в рубрике. Есть также несколько статей, характер которых стоило бы описать как аналитический, поскольку никакого нового новостного материала не содержится.

Стоит обратить внимание на следующую группу заметок: в них рассказываются частные случаи, касающиеся подвигов офицеров или их проступков. Так, большой резонанс, по всей видимости, получил подвиг унтер-офицера Яичникова (спасшего свой батальон от дезертиров), которому

⁵⁹ См., например: Северная Пчела. 1831. № 11 с. 1-2.,

Северная Пчела. 1831. №16. С.2.

Северная Пчела. 1831. № 74. С.1

⁶⁰ Северная Пчела. 1831. № 103. С.1-2.

посвящено несколько статей в газете⁶¹. В № 64⁶² рассказан случай о дружбе командира 7го пехотного Казачьего полка Перехристова с польским комиссаром Биентковским, которые спасли друг другу жизни, «не запятнав при этом чести»⁶³, сюда же мы отнесём заметку об истории, произошедшей в Вилькомирском уезде⁶⁴ в июле 1831 года⁶⁵, когда в доме помещицы Сисицкой произошло «происшествие, достойное времен варварских»⁶⁶: литовскими мятежниками был убит в собственной постели офицера Есаков. Любопытна заметка о поступке шляхтича Фёдора Сорочинского⁶⁷: он был уличён в краже и отправлен в Сибирь, однако когда отряд с арестантами был отбит мятежниками, он отказался пойти с ними, чтобы не нарушать присягу. Император был поражён случившимся и повелел отпустить шляхтича, наградить его и напечатать о нём статьи в газетах⁶⁸.

Не стоит забывать и о публикуемых в рубрике «Внутренние известия» донесениях и рапортах. Их форма и стилистика ничем не отличается от тех, что мы видим в «Прибавлениях», однако их объём гораздо меньше. В этой рубрике, в отличие от «Прибавлений», рапорты и донесения сопровождаются комментариями редакторов⁶⁹, а среди авторов донесений – только главнокомандующие Действующей армией: гр.Дибич-Забалканский и гр.Паскевич-Эриванский.

Говоря об официальных документах, надо сказать и о третьей группе заметок. «Северная Пчела» была газетой, имеющей самое прямое отношение к Правительству, поэтому неудивительно, что в ней публиковались Указы правительствующему Сенату. Среди них – Указ об отмене действия

⁶¹ Северная Пчела. 1831. №№ 3, 16. С.2.

⁶² Там же. №.64. С.1.

⁶³ Северная Пчела. 1831. № 64. С.2.

⁶⁴ Виленская губерния.

⁶⁵ Северная Пчела. 1831. № 170. С.1.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. № 183. С.1.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ См. например: Северная Пчела. 1831. № 29. С.1.

Литовского Статута в Могилёвской и Витебской губерниях⁷⁰, Указ о сокращении сроков рекрутского набора в Виленской, Гродненской и Белостокской губерниях⁷¹, Указ о введении военного положения в Курляндии⁷², О возмещении долгов польским фабрикантам в местные губернские правления⁷³, О наложении секвестра на имения «помещиков-изменников»⁷⁴ и добавление к нему⁷⁵, Об установлении в Самогитских уездах Виленской губ. Особого временного управления⁷⁶ и два приказа, относящиеся к гр.Паскевичу: приказ о назначении его Главнокомандующим действующей армией⁷⁷ и о даровании ему титула князя Варшавского⁷⁸. К этой же категории стоит отнести и рескрипт Николая I на имя начальников губерний, граничащих с Царством Польским⁷⁹.

Стоит отдельно сказать о корреспонденции. Публикация писем – это излюбленный приём главных редакторов Газеты. В рубрике «Внутренние известия» опубликованы следующие письма: письмо Гродненского губернского маршала на имя Литовского военного губернатора⁸⁰, «Перечень письма из Армии от 9 марта 1831 года»⁸¹ и два письма из Митавы⁸². Надо сказать, что последние ни стилистически, ни формально ни сколько не походят на письма.

⁷⁰ Северная Пчела. 1831. № 18. С.1-2.

⁷¹ Там же. № 68. С. 1.

⁷² Там же. № 70.С.1.

⁷³ Там же. № 83. С.1.

⁷⁴ Там же. №. 106. С.1-2.

⁷⁵ Там же. № 130. С.1-2.

⁷⁶ Там же. № 127. С.1.

⁷⁷ Там же. № 125. С.1.

⁷⁸ Там же. № 206. С.1.

⁷⁹ Там же. № 4. С.1.

⁸⁰ Северная Пчела. 1831. №12. С.1-2.

⁸¹ Перечень письма из армии// Северная Пчела. № 63. С.1-2.

⁸² Письмо из Митавы// Северная Пчела. №№78, 88. С.1-2.

1.2. Tygodnik Petersburski

К началу третьего десятилетия XIX века, как отмечают исследователи, в столице Российской Империи оформляется польская «диаспора», связанная, как отмечает Т.Смирнова, с невиданным «наплывом» поляков в Петербург⁸³. Численность её была достаточно велика (по оценкам М.Малиновского – около 10 тысяч человек в 1828 г.⁸⁴), и она имела достаточно заметное место в жизни столицы, а значит, и всей Империи.

Нельзя сказать, что группа «петербургских поляков» была однородной, как по происхождению и социальному статусу, так и по причинам своего проживания в Петербурге.

Наиболее заметной и чётко оформленной группой были представители знатных шляхетских родов, которые на родине оказались в вынужденной изоляции, связанной, прежде всего, с их политической позицией. Чаще всего это были представители Тарговицкой конфедерации, а чувство ненависти и глубокой неприязни к их откровенной приверженности России стало особенно очевидным в годы Восстания под предводительством Тадеуша Костюшко. Чаще всего представители этих родов (к ним можно отнести Четвертинских, Виельгорских, Соллогубов, Потоцких, Ожаровских⁸⁵) достаточно быстро вливались в высшее петербургское общество, и имело

⁸³ Смирнова Т. Поляки Петербурга в начале XX века как часть городского социума // Новая Польша. 2010. № 3. С. 60

⁸⁴ Федута. А. «Город пышный, город бедный...» глазами польских подданных Российской Империи// Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 16

⁸⁵ Федута. А. «Город пышный, город бедный...» глазами польских подданных Российской Империи// Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 13

большой успех, особенно на фоне возникшей в 1820-е годы «моды на всё польское»⁸⁶.

В 1820-е годы, однако, Петербург начинает притягивать поляков более низкого происхождения. Связано это с возникновением большого количества тяжб и имущественных дел с «новоприобретённых» польских и литовских земель: один из департаментов Сената как раз занимался подобными судебными исками. Прибывшие в Петербург поляки, разобравшись с имущественными проблемами, иногда оставались в столице, найдя здесь хорошее жалование, приятное общество и большое количество перспектив⁸⁷. Таким образом в Петербург попали, например, Ф.В.Булгарин⁸⁸ или О.И.Пшецлавский⁸⁹.

Как ни парадоксально, Петербург конца 1820-х гг. можно назвать и центром польской культуры: именно сюда устремляются видные деятели искусства. Большое признание в Петербурге получили, например, М.Шимановская⁹⁰ и А. Орловский⁹¹. Даже польские литераторы сумели в столице обрести свой голос, и, что особенно удивительно, некоторые из них, несмотря на языковой барьер, сумели влиться в русскую литературу и обрести на этом поприще славу.

Наконец, к началу 1830-х гг. в Петербурге появляется возрастающая с каждым годом группа польских предпринимателей, которые занимались, в

⁸⁶ Глушковский П. Ф.В.Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. – СПб.: Алетейя, 2013. С ?

⁸⁷ Федута. А. «Город пышный, город бедный...» глазами польских подданных Российской Империи // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 13

⁸⁸ Глушковский П. Ф.В.Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. – СПб.: Алетейя, 2013. С ?

⁸⁹ Пржецлавский О.И. Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса // Русский Архив. 1874. Вып. 1. С?

⁹⁰ *Мария Шимановская* (1789 —1831) — знаменитая польская пианистка и композитор, тёща Ф.Малевского и А.Мицкевича

⁹¹ *Александр Осипович Орловский* (1777-1832) – знаменитый художник, придворный живописец Великого Князя Константина Павловича

основном, импортом продуктов сельского хозяйства и лёгкой промышленности на территорию России из Царства Польского⁹².

А.Федута полагает, что с 1823-24 гг., когда прошёл ряд процессов по делам кружков Филоматов и Филаретов, можно говорить о первой волне интеграции поляков в российское общество⁹³. К этому времени петербургские поляки были уже четвертой по численности национальностью столицы – после русских, немцев и финнов. Для такой большой группы было необходимо наличие своей собственной культурной инфраструктуры: от церкви (например, самый крупный на территории России в течении XIX века приход костёла св. Екатерины на Невском проспекте⁹⁴) – до салонов (самый значимый – салон Ю.О.Шишковой⁹⁵). Необходимой частью этой инфраструктуры являлись и средства массовой информации, и к 1830 году в Петербурге начали издавать газету «Tygodnik Petersburski», вслед за ней – с января 1831 года – сатирическую газету «Balamut Peterburski».

Главный редактор газеты, О.Ю.Пржецлавский указывал, что в 1830 году газета имела настолько большой успех, что в следующем году они были вынуждены увеличить периодичность выхода газеты (с двух раз в неделю до одного раза в два дня) и увеличить тираж – до 500 экземпляров⁹⁶, огромная по тем временам цифра. Если исходить из того, что численность польского населения Петербурга была в то время около 10 тысяч человек, то

⁹² Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815-1830 гг.(экономическое и социальное развитие) . М., 1979. С.117.

⁹³ А. Федута. «Город пышный, город бедный...» глазами польских подданных Российской Империи// Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 13

⁹⁴ А. Федута. «Город пышный, город бедный...» глазами польских подданных Российской Империи// Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 16.

⁹⁵ Юлия Осиповна Шишкова (урожденная Нарбут, в первом браке Лобаржевская 1779-1849) – жена министра народного просвещения А.Шишкова.

⁹⁶ А. Федута. «Город пышный, город бедный...» глазами польских подданных Российской Империи// Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 16.

получается, что газету читал в среднем каждый двадцатый польскоговорящий житель Петербурга. И это не удивительно: газета старалась охватить интересы всех указанных выше групп – для читателей, интересующихся экономикой существовала рубрика «Торгово-промышленные новости»⁹⁷, в которой регулярно публиковались отчеты о торговле в важнейших портах и крупных торговых городах (например, Вильно⁹⁸) и курс валют. Читатели, имеющие отношение к юриспруденции могли своевременно получать известия об указах императора Сенату или указах самого Сената. Польские помещики на протяжении всего Восстания получали известия об арестах имуществ на территории Царства Польского или западных губерний⁹⁹. Читатели, интересующиеся искусством, могли получить в переводе на польский язык произведения (обычно отрывки) известных зарубежных писателей или объявления о выставках или концертах в столице.

Таким образом, мы можем предположить, что благодаря достаточно крупному тиражу и удовлетворению интересов разных представителей общества т.н. «петербургских поляков», газета могла иметь среди них широкое распространение и достаточно сильное влияние.

Осипа Антоновича Пшецлавского¹⁰⁰ (1799-1879) можно с полной уверенностью считать главным идеологом газеты «Tygodnik Peterburski» - именно он владел большей частью уставного капитала газеты и занимал должность ответственного издателя-редактора, в чьи обязанности входил «строгий выбор того, что печаталось и постоянная забота о сохранении неприкосновенным однажды избранного зрело обдуманного направления»¹⁰¹, т.е. редакция текстов и формирование основного идеологического направления газеты. Обо всех перипетиях своей издательской деятельности

⁹⁷ «Wiadomości handlowe i przemysłowe»

⁹⁸ См., например: Tygodnik Peterburski. 1831. № 55. С.4

⁹⁹ Первое из череды подобных сообщений: Tygodnik Peterburski. 1831. № 7. С.1.

¹⁰⁰ Польск. *Józef Emanuel Przeclawski*. В дореволюционной орфографии – Пржецлавский/

¹⁰¹ Пржецлавский О.А. Цензура // Русская старина. 1875 г. Сентябрь. С...

он рассказал в 1875 году в автобиографическом очерке «Цензура», изданном в журнале «Русская старина»¹⁰². Главная задача очерка – высказать мнение о существовавшей в николаевской России цензурной системе и поделиться опытом умелого прохождения цензурных комитетов. При этом Пшецлавский не обходит стороной и своего опыта ведения дел газеты «Tygodnik Petersburski», которую он называет «Тигодник»¹⁰³.

Пшецлавский начинает очерк с того, что даёт нам понять, в каком деликатном положении оказалась газета, и он сам как её издатель, почти сразу после её появления. Вместе с Ф.Малевским и А.Парчевским еще в 1829 с подачи многих друзей (в том числе и Адама Мицкевича) они подали прошение об издании в Петербурге газеты на польском языке. Издание газеты началось в 1830 году в Военной типографии: интересно, что за набор текста отвечали два человека, ни слова не понимавшие по-польски. Как пример «удивительной понятливости русского человека» Пшецлавский рассказывает об одном случае: когда в 1846 году в типографию зашёл император, он поинтересовался, знают ли наборщики польский. Получив отрицательный ответ, Николай I сказал: «Надо бы привести сюда Императрицу посмотреть такие машины, каких в Англии нет»¹⁰⁴.

В первый год существования газеты издатели не ожидали встретить сильного интереса к предприятию, но успеху газеты способствовали благоприятные обстоятельства в виде «моды на всё польское». Однако с событиями последних месяцев 1830 года газета чуть было не оказалась на грани выживания. Кто знает, может быть именно поэтому «с конца 1830 года газета «Тигодник» сделалась органом самого энергичного осуждения *преступного*¹⁰⁵ *варшавского движения* и не переставала *всеми силами* противодействовать революционным доктринам, которыми под знаменем

¹⁰² Пшецлавский О.А. Цензура // Русская старина. 1875 г. Сентябрь. С...

¹⁰³ Там же. С. ...

¹⁰⁴ Там же. С. ...

¹⁰⁵ Здесь и далее - курсив мой.

лжепатриотизма значительная часть польского народа вовлечена в *преступление и пагубу*»¹⁰⁶. В то же время Пшецлавский отмечает, что такая линия поведения не могла ему даваться легко: «для такого противодействия, как и для любого *ратоборства за правду*, ввиду господствующего в Царстве и Западном крае фанатизма, требовалось немало гражданского мужества и самоотречения, так как газета и её редактор с таким направлением *не могли нравиться тогда польской публике*»¹⁰⁷. Так и произошло: польской эмиграцией уже после подавления Восстания О.А.Пшецлавский был приговорён к смертной казни за коллаборационизм – в качестве символического акта этой казни был сожжён его портрет¹⁰⁸.

Впрочем, у Пшецлавского есть ещё один фрагмент воспоминаний, непосредственно относящийся к событиям 1830-1831 г. – это глава «Польский мятеж 1830 года» из его другого мемуарного произведения «Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса»¹⁰⁹. Пшецлавский настаивает на беспристрастности своих оценок Восстания, говоря, что он пользуется одним из «драгоценных даров истекающего двадцатилетия – свободой выражения честной мысли»¹¹⁰. Цель автора – не оправдывать восставших и не осуждать их – это Пшецлавский и так активно делал во время восстания – цель его – показать, почему в «благополучной» Польше могло вспыхнуть Восстание. Пшецлавский объясняет это национальным характером поляков, преобладающей его чертой он считает «воинственный дух»¹¹¹, вторит Бальзаку, говоря, что «никто не воюет ради удовольствия; одни поляки

¹⁰⁶ Пшецлавский О.А. Цензура // Русская старина. 1875 г. Сентябрь. С...

¹⁰⁷ Там же. С....

¹⁰⁸ Федута А. «Город пышный, город бедный...» глазами польских подданных Российской Империи// Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 16.

¹⁰⁹ Пшецлавский О.И. Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса // Русский Архив. 1874. Вып. 1. С?

¹¹⁰ Там же. С. 212.

¹¹¹ Там же.

составляют исключение»¹¹². Пшецлавский полагает, что Восстания можно было бы избежать, если отправить польские воинские части на Кавказ или в Турцию, «охладить пыл». Впрочем, автор говорит о том, что никакая из черт национального характера не может быть оправданием для такого вопиющего акта, как нарушения присяги Императору. Надо сказать, что в последнем мнении Пшецлавского не поменялось спустя почти 45 лет после Восстания.

1.3.Русский Инвалид или Военные ведомости

Газета «Русский Инвалид» на момент начала Польского Восстания имела относительно большую историю. Как можно понять из названия, она была создана в 1813 году с формулировкой «еженедельное издание историческо-политического содержания» в благотворительных целях сбора средств на помощь пострадавшим ветеранам Отечественной войны 1812 года. Перейдя в 1814 году в ведение Александровского комитета о раненых, она стала официальным органом печати.

Со времени основания газета претерпела некоторые изменения. В частности, на посту главного редактора в январе 1822 года основателя газеты П.П.Помпиана-Пезаровиуса¹¹³ сменил Александр Фёдорович Воейков. Воейков, друг В.А.Жуковского и близкий знакомый А.А.Аракчеева, был достаточно широко известен в литературных кругах, но не имел на тот момент достаточного журналистского опыта. Автор очерка об истории газеты к её столетнему юбилею А.Т.Борисевич утверждает, что в период редакторства Воейкова тиражи газеты упали, однако в 1831 году её

¹¹² Там же.

¹¹³ *Павел Павлович Помпиан-Пезаровиус* (1776-1847) – тайный советник. Во время войны 1812 года – «секретарь иностранной переписки» при Департаменте юстиции. На посту главного редактора и издателя «Русского Инвалида» заслужил уважение императора Александра I: был неоднократно награжден орденами за свою редакторскую и благотворительную деятельность.

популярность резко возросла¹¹⁴: полагаю, что можно связать эту популярность, прежде всего с большим количеством поэтических откликов на Польское восстание, которые публиковались в газете осенью 1831 г¹¹⁵.

«Русский инвалид» был созвучен патриотическим настроениям русского общества: газета, собирающая пожертвования пострадавшим воинам, поддерживалась публикой. Аудитория ее быстро увеличивалась с первого месяца, тем более что высочайший пример к этому подали члены императорской фамилии, подписавшиеся на «Русский инвалид» едва ли не первыми. Таким образом, в начальные годы существования газета, благодаря благородной миссии и интересному для публики содержанию, приобреталась высшим сословием в столице и провинциях. Позже, став официальной военной газетой, «Русский инвалид» меняет аудиторию. Не раз его издатели обращаются в Генеральный штаб с целью рекомендовать газету в армии, однако в рассматриваемый нами период происходила как раз смена целевой аудитории газеты, поэтому социальный состав читателей был неоднороден¹¹⁶.

В указанный период структура газеты была достаточно традиционной – обязательна для неё рубрика «Внутренние известия», в которой публикуются, в основном, официальные гражданские акты (Указы Правительствующему Сенату, Указы Придворной канцелярии, Указы Капитулу Орденов, рескрипты, высочайшие грамоты), новости, касающиеся образования, здравоохранения (особенно связанные с холерной эпидемией), науки и т.д. Важное место отводится статьям из т.н. «третьей рубрики» (то же, что и в остальных газетах) – здесь публикуются отрывки из художественных произведений, выдержки из статистических исследований,

¹¹⁴ Борисевич А. Т. «Русский инвалид» за 100 лет: Юбилейный очерк. Ч. 1. СПб., 1913

¹¹⁵ См. Ратников К.В. Поэтические отклики на Польское восстание 1830-1831 гг. как дополнительный исторический источник// Альманах современной науки и образования, 2007. № 7. С. 153-155.

¹¹⁶ Борисевич А. Т. «Русский инвалид» за 100 лет: Юбилейный очерк. Ч. 1. СПб., 1913

исторические очерки и аналитические статьи. То, что отличает структуру «Русского Инвалида» от других газет – наличие собственно «Военных ведомостей» - из номера в номер эта рубрика публиковала известия о кадровых перестановках в офицерском составе, награждениях орденами, смертности в войсках и манифесты Императора к Армии и Лейб-гвардии¹¹⁷.

¹¹⁷ Русский Инвалид. 1831.

Глава 2. Образы *польского* в контексте событий Польского восстания 1830-1831 гг.

2.1. Петербургские газеты о причинах восстания

В рамках официального дискурса об империи любое восстание, в особенности ставящее своей целью обретение независимости частью империи, чаще всего рассматривается как аномалия. Яркое тому подтверждение – то, что на протяжении всего периода освещения событий Польского восстания 1830-1831 гг. на страницах газет с определенной периодичностью актуализируется проблема, связанная с определением его причин.

Вопрос о том, каковы причины Восстания, комплексный. Он включает в себя не только определение общего состояния Царства Польского к 1830 году, но и ответ на классический вопрос: «Кто виноват?». Именно по причине этой сложности целесообразно рассматривать трансформацию видения этой проблемы в источниках в хронологическом порядке.

Вскоре после начала восстания в газетах (прежде всего в «Северной Пчеле») появляется ряд статей, целью которых было объяснить широкой аудитории, что же стало его причинами. Статья «Известия о Варшавском мятеже и причинах оногo»¹¹⁸ уже в названии обращает внимание читателя на эту проблему.

Рассказ начинается с 1828 года, когда Пётр Высоцкий¹¹⁹ создал патриотический союз и постепенно начал «развращать» молодежь. Именно

¹¹⁸ Известия о Варшавском мятеже и причинах оногo//Северная Пчела. 1830. 18 декабря., с. 5-8.

¹¹⁹ Пётр Высоцкий (1797-1875) – один из организаторов Польского восстания 1830-1831. В чине капитана участвовал в военных действиях на Волыни, защищал Варшаву во время штурма 1831 г. После Восстания до 1857 года пребывал на каторге в Сибири. В эмиграции написал воспоминания.

он объявляется виновником того, что столько офицеров, особенно молодых, подчёркивают авторы, поддержали Восстание. Основная опасность таких «разговоров», считают авторы, состоит в том, что Высоцкий и его единомышленники сообщали своим «жертвам» неверные сведения о политической обстановке в Европе. Стоит подчеркнуть, что в варианте статьи, которая была напечатана в газете «Tygodnik Petersburski»¹²⁰, имеются купюры. Редакторы газеты воздерживаются от перепечатки тех абзацев, которые напрямую говорят о связи Польского восстания с Революцией во Франции¹²¹ и в Бельгии¹²².

Интересно отметить, что, говоря о Высоцком, авторы не упоминают того, что именно он подал сигнал к началу Восстания. Напротив, утверждается, что Высоцкий сознательно посылал молодых офицеров на бой, предпочитая не рисковать жизнью¹²³. Последнее является принципиальным для авторов – в подавляющем большинстве в материалах о Восстании, которые мы встречаем в газетах, четко прослеживается *проблема офицерской чести и доблести*. «Творцы» восстания и его преданные сторонники – прежде всего высокопоставленные видные офицеры – нередко противопоставляются простым солдатам и низшим офицерам. Газеты пестрят сообщениями о подвиге унтер-офицера Яичникова, спасшего свой батальон от дезертиров¹²⁴, сообщениями о

¹²⁰ Opinia o pochodzeniu współczesnego buntu//Tygodnik Petersburski. 1830. №44. С.5-6

¹²¹ Июльская Революция 1830 года во Франции, в результате которой был свержен Карл X и возведен на престол Луи-Филиппа, положив начало т.н. Июльской монархии во Франции.

¹²² Бельгийская революция – события августа-сентября 1830 года в Бельгии, в результате которой Бельгия вышла из состава Нидерландского королевства и получила независимость.

¹²³ Известия о Варшавском мятеже и причинах оного//Северная Пчела. 1830. 20 декабря., с. 5-8.

¹²⁴ Русский Инвалид. 1831. №№ 3, 16. С.2

дружбе командира 7го пехотного Казачьего полка Перехристова с польским комиссаром Биентковским, которые спасли друг другу жизни, «не запятнав при этом чести»¹²⁵ и многие другие.

Для первых материалов, вообще, относящихся непосредственно к Восстанию, характерна «персонализация», когда виновниками его начала объявляются конкретные люди. Так, помимо Высоцкого, по мнению авторов статьи, виновен и «известный буйным духом и предвзятостью» Мохнацкий¹²⁶, а «душой заговора»¹²⁷ и главным его идеологом, назван в статье Лелевель¹²⁸. Автора статьи возмущает, что они втроем стали выразителями общего мнения «народа польского» о будущем родины¹²⁹.

Мысль о том, что причины начала Восстания стоит искать не во внутренних проблемах Царства Польского, а в заговоре, в дальнейшем развивается авторами статей, которые, в принципе приобретают своеобразный «конспирологический» характер. Так, в статье, принадлежавшей, по всей видимости, перу О.И.Пржецлавского¹³⁰,

¹²⁵ Tygodnik Petersburski. 1831. №64. С.1.

¹²⁶ *Мауриций Мохнацкий* (1803-1834) – публицист, участник «Союза вольных поляков», участник сражений при Грохуве, Вавре и Остроленке. Видный деятель польской эмиграции

¹²⁷ Tygodnik Peterburski. 1830. № 44. С. 5-6

¹²⁸ *Иоахим Лелевель* (1786-1861) – польский историк, один из организаторов Польского восстания 1830-1831 гг., видный деятель Польской эмиграции

¹²⁹ Известия о Варшавском мятеже и причинах оногo//Северная Пчела. 1830. 20 декабря., с. 5-8.

¹³⁰ Статья подписана инициалами «Е.Г. ». В своих мемуарах Пржецлавский перечисляет псевдонимы, которыми подписывал свои статьи в «Тыгоднике», среди них есть и этот. См: Пржецлавский О.И. Цензура // Русская старина. №...

Стоит отметить, что впоследствии Пржецлавский будет отстаивать другую точку зрения: причины восстания он связывает с национальным характером поляков, преобладающей его чертой он считает «воинственный дух» и вторит Бальзаку, говоря, что «никто не

повторяются упрёки в адрес вышеназванных «заговорщиков», но при этом, указывается, что само Восстание не обошлось без участия «*внешних сил*»¹³¹. «Революция, - считает автор, - возникла от маленького заговора молодых людей, не имеющих никакого понятия ни о состоянии Родины, но заражённые революционными идеями и умело управляемые *невидимыми силами*»¹³². Заговорщики, по мнению автора, действовали «*по заказу*»¹³³, «адская сила управляет... Польшей»¹³⁴.

На наш взгляд, уход в сторону «теории заговора» представляет собой попытку выразителей официального дискурса об империи дистанцироваться от высказывания напрямую возможных внутренних причин возникновения Восстания. Действительно, современные исследователи часто высказывают мысль о том, что связь между событиями Июльской революции во Франции, активизацией Бельгийского национально-освободительного движения и началом Польского восстания, но чаще всего подчеркивается, скорее, эмоциональная связь: мнение о том, что Польское национально-освободительное движение лишь активизировалось под влиянием известий об успехе Июльской революции и восстания в Бельгии¹³⁵. В то же самое время эта статья, написанная в

воюет ради удовольствия; одни поляки составляют исключение». См.: Пржецлавский О.И. Калейдоскоп воспоминаний Ципринуса // Русский Архив. 1874. Вып. 1. С?

¹³¹ Kilka myśli na temat rebelii polskiej// Tygodnik Petersburski. 1831. №24, с.5. Перепечатана в «Северной Пчеле» с указанием, что она является откликом на статью «Несколько замечаний на последнюю Польскую Революцию». См: Размышления о нынешней Польской Революции// Северная Пчела. 1831. 2 апреля. С. 3

¹³² Там же. С.6.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Kilka myśli na temat rebelii polskiej// Tygodnik Petersburski. 1831. №24, с.5.

¹³⁵ См. например: Западные окраины Российской Империи. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2007. Ср.: Обушенкова Л.А.Королевство Польское в 1815-1830 гг.: Экономическое и социальное развитие. М., 1979.

начале апреля 1831 г., могла стать своеобразным откликом на полученные Императором в феврале-марте доносы М.Л. Магницкого и А.Б. Голицына об иллюминатах в Российской империи. В доносах подчеркивалась связь между революционными процессами на территории Европы и утверждалось, что виновны в серии революций как раз иллюминаты¹³⁶.

Как видно из приведённых выше фрагментов, авторы статей отказывались считать причинами Восстания внутренние проблемы Царства Польского, порождённые присоединением Польши и несоблюдением конституционного режима – об этих проблемах¹³⁷ в материалах нет ни малейшего упоминания. Надо отметить, что вопрос о Конституции Царства Польского и о политическом режиме, который в результате её принятия установился, многократно поднимается в подобных статьях. Вероятно, можно говорить и о том, что именно акцентирование факта наличия конституционного устройства в Польше (и, как следствие, мысли о его отсутствии в России) способствовали росту неприятия поляков и польского в среде даже т.н. либеральных кругов российского общества первой половины XIX века, ярким представителем которого можно считать, например, П.Я. Чаадаева¹³⁸.

¹³⁶ Андреева Т.В. Николай I и финляндский вопрос. 1830-1831 гг. // Петербургский Исторический журнал. №2, 2015. С.68.

¹³⁷ В современной историографии наибольшее распространение получило мнение о том, что главной причиной начала Восстания стало, как раз, несоблюдение Режима, который образовался в Польше в результате принятия Конституции 1815 года, а именно: введение в 1819 году предварительной цензуры, отмена судов присяжных в 1820 году, многократные факты нарушения в сфере избирательной системы и отмена публичности заседаний Сейма. См., например: Горизонтов Л. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX-начало XX в.). – М.: Индрик, 1999.

¹³⁸ Чаадаев П.Я. Несколько слов о польском вопросе// Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. М., 1991.

Впрочем, некоторыми современными исследователями, находящимися в рамках советской историографической парадигмы в восприятии польского вопроса нередко

Вслед за императором, манифесты которого были опубликованы во всех рассматриваемых нами газетах¹³⁹ авторы выражают недоумение: как могут люди, называющие себя патриотами, восставать против России, которая в лице Александра I, называемого «восстановителем Польши»¹⁴⁰, дала Польше множество привилегий и преимуществ. Интересно эта мысль развивается в статье «О польской революции»¹⁴¹, являющейся переводом статьи из прусской газеты «Allegemeine Zeitung»¹⁴². Статья крайне интересна в том смысле, что автор имплицитно признаёт определённые трудности, которые возникали в Царстве Польском в связи с несоблюдением некоторых аспектов её конституционного устройства.

Автор этой полемической статьи, предельно лаконичной в форме постановки тезиса и аргументации, представляет по пунктам «ряд наблюдений». Суть их в следующем¹⁴³:

1) Польша завоёвана Россией. Россия владеет Польшей «по праву меча»¹⁴⁴.

высказываются противоположные мнения. Так, С.М.Фалькович считает, что «Разделы Польши оказали глубокое влияние на русское общество, заставив наиболее прогрессивную часть осудить их, испытать чувство вины и стыда, выразить полякам симпатию и сочувствие, предложить им союз для совместной борьбы за свободу». Цит. по: Аржакова Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. – СПб, 2010. С. 63. См. также: Попков Б.С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель: Русская проблематика и контакты. М., 1974.

¹³⁹ Русский Инвалид. 1830. 13 декабря. С. 1-2; Северная Пчела. 1830. 13 декабря. С.5-6; Tygodnik Peterburski. 1830. № 42. С.7 -8

¹⁴⁰ Известия о Варшавском мятеже и причинах оногo//Северная Пчела. 1830. 20 декабря., с. 5-8.

¹⁴¹ О польской революции// Русский инвалид. 1831. № 64. С.3-4.

¹⁴² Ein paar Worte über die Polnische Revolution// Allegemeine Zeitung. 1831. №81

¹⁴³ Такое деление на «пункты» присутствует в самой статье.

¹⁴⁴ О польской революции// Русский инвалид. 1831. № 64. С.3-4.

2) Завоёванная Польша получила «по доброму великодушию российского монарха [Александра I]. Государственное Постановление¹⁴⁵, которое первой статьёй соединяет её с Россией»¹⁴⁶

3) «Постановление» исполнялось в Царстве Польском во всей точности, а именно: ни один русский министр не вмешивался во внутренние дела Царства Польского¹⁴⁷.

Далее следуют ответы на претензии польских мятежников (во многом это то, что можно было увидеть в требованиях делегатов от Временного правительства¹⁴⁸). В этих претензиях авторы, однако, не склонны видеть причины самого Восстания и пытаются их опровергнуть. Например, тем, что тайная полиция, действовавшая на территории Царства Польского,

Здесь мы обязаны вспомнить о связанных с польской тематикой публицистических текстах Н.М.Карамзина, в которых именно «право меча» является решающим аргументом в спорах о законности претензий Российской империи на польские земли. См. например: Nowak A. *Od Imperium do Imperium: Spojrzzenia na historie Europy Wschodniej*. Kraków, 2004.

По мнению Анджея Новака, краковского исследователя, именно в публицистике Карамзина следует искать истоки той формы выражения польского вопроса, которая развивалась на протяжении всей истории Российской Империи.

¹⁴⁵ Имеется в виду Конституция Царства Польского 1815 г.

¹⁴⁶ Там же С. 5

¹⁴⁷ Там же. С.6.

¹⁴⁸ В январе 1831 г. делегаты Сейма Езерский и Любецкий прибыли в Петербург к Императору, предъявив ему список требований Временного правительства. Они сводились к следующему: возвращение «восьми воеводств»; соблюдение конституции; вотирование налогов палатами; соблюдение гарантий свободы и гласности; гласность заседаний сейма; охрана королевства исключительно собственными войсками. Большая часть этих требований (все, кроме первого) была в рамках Конституции 1815 г. См.: Долбилов М.Д. *От Конституционной Хартии к Режиму Паскевича// Западные окраины Российской Империи.* – М. Новое литературное обозрение, 2007., с.81-123

«ограничивалась надзором за некоторыми злоумышленниками, замешанными в *гнусный* (курсив мой – *А.Ш.*) заговор 1825 года»¹⁴⁹.

Это заявление – практически единственное упоминание о Восстании Декабристов в контексте освещения газетами событий Польского восстания 1830-1831 гг. Интересно, что одно из немногих никак не освещенных газетами событий – это манифестация в Варшаве 25 января 1831 года, организованная Патриотическим обществом в память о казненных декабристах¹⁵⁰. Не упоминается также и то, что именно под давлением участников этой манифестации Сейм принял акт детронизации Николая I¹⁵¹.

Вновь поднимается вопрос о нарушении права свободной печати, гарантированной Конституцией Царству Польскому. Автор задаётся вопросом отнюдь не риторическим: «...может ли, вообще, особенно у народов беспокойных, существовать право при неограниченной свободе печатать всё, что взбредёт на ум?». Ответ категоричен: «Нет, не может»¹⁵².

Острый вопрос об обсуждении бюджета Царства Польского в Сейме также находит отражение в этой статье. Однако авторы склонны уходить от ответа и предпочитают упомянуть об экономических выгодах Царства Польского в период 1815-1830 гг.¹⁵³: рассматривается самый большой уровень дохода на душу населения во всей России, несмотря на то, что экономика Польши до 1815 года находилась «в полнейшем расстройстве»¹⁵⁴,

¹⁴⁹ О польской революции// Русский инвалид. 1831. № 64. С.3-4.

¹⁵⁰ Долбилов М.Д. От Конституционной Хартии к Режиму Паскевича// Западные окраины Российской Империи. – М. Новое литературное обозрение, 2007., с.98

¹⁵¹ Там же. С. 99.

¹⁵² О польской революции// Русский инвалид. 1831. № 64. С.5.

¹⁵³ Об экономике Царства Польского в рассматриваемый период см.: Обушенкова Л.А.Королевство Польское в 1815-1830 гг.: Экономическое и социальное развитие. М., 1979.

¹⁵⁴ Там же. С.6.

а в годы правления Александра I «земля сия пришла в такое состояние, что никто её узнать теперь не может»¹⁵⁵.

Статья открывает серию статей, выходявших в рубрике «Современная политика» в марте-апреле 1831 года. Следующая статья, публиковавшаяся в №№ 65-69¹⁵⁶, представляет собой перепечатанную главу из рекламировавшейся впоследствии¹⁵⁷ в «Северной пчеле» книги «Несколько замечаний на последнюю Польскую Революцию»¹⁵⁸.

Статья интересна тем, что она позволяет нам увидеть, как в рамках имперского дискурса о Польской государственности рассматривается период, охватывающий события с момента образования Герцогства Варшавского – вплоть до 1831 г.

Главная мысль этой части, состоит в том, что при Наполеоне не была восстановлена польская государственность, хотя сами поляки в этом убеждены. Именно при Александре I «имя Польши, исключенное из летописей Европы, вновь появилось на чреде наций»¹⁵⁹. Затем авторы возвращаются к теме статьи, о которой было сказано выше – опровержение претензий о нарушении Конституции Царства Польского, именуемой здесь «учредительной грамотой» и «хартией», и других «угнетений». Вновь

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Несколько замечаний на последнюю Польскую Революцию// Северная Пчела. №№ 65-69.

¹⁵⁷ Северная Пчела. 1831. № 79. С. 5.

¹⁵⁸ Сама брошюра продавалась в двух вариантах – на французском языке («*Quelques observations sur la derniere Revolution de Pologne*») и на польском («*Kilka uwag o terazniejszej Rewolucyi Polskiej*»).

¹⁵⁹ Несколько замечаний на последнюю Польскую Революцию// Северная Пчела. №65. С.4.

поднимается вопрос о свободе «тиснения»¹⁶⁰, однако же, аргументация по своей сути мало чем отличается от того, что мы наблюдали ранее.

Опровергается тезис об угнетении народного просвещения Царства Польского: Правительство, по мнению автора, приглашало в Варшавский университет видных зарубежных учёных, открывало новые, прежде всего военные, училища. Успехи были сделаны даже в области женского образования – в Варшаве был открыт «Institut de Gouvernantes»¹⁶¹. За этим следуют в очередной раз уверения о процветании польской экономики: «Варшава, почти забытая в торговых оборотах Европы, становилась все более и более важным торговым центром»¹⁶², в Польше, наконец, появилась промышленность, были заключены выгодные торговые трактаты¹⁶³. Сказано несколько слов о войсках в Польше: на территории Царства Польского были постоянно расквартированы исключительно войска, состоявшие из этнических поляков, а временное пребывание в Варшаве русских войск «весьма содействовало к увеличению благосостояния в столице»¹⁶⁴.

Наконец, опровергается мысль мятежников о том, что они были «угнетены в патриотических... чувствованиях»¹⁶⁵. Автор считает, что Правительство «свято чтит наши [польские] отечественные воспоминания»¹⁶⁶. Здесь рассказывается об установлении памятника Юзефу Понятовскому, а также о том, что из под Варны Николай I прислал в Польшу в память о короле Владиславе IV, погибшем там, пушки. Теперь же эти пушки используют мятежники как оружие против русских – из них

¹⁶⁰ Там же. № 66. С.4.

¹⁶¹ Там же. № 67. С.4.

¹⁶² Несколько замечаний на последнюю Польскую Революцию// Северная Пчела. №68. С.3

¹⁶³ Там же. С.4.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же. № 69. С.3.

¹⁶⁶ Там же.

составлена отдельная батарея. «Эта мысль так возмутительна, так отвратительна, так сильно оскорбляет всякое чувство благородства и приличия, что люди, которые теперь управляют делами в Польше, должны опровергнуть оную с презрением и негодованием»¹⁶⁷, - считает автор статьи.

Анализ содержания рассматриваемого нами комплекса источников позволяет говорить о том, что рефлексия над причинами начала Польского восстания занимает в нем видное место. Характерная в этом контексте для нее актуализация вопросов, связанных с проблемами конституционного устройства Царства Польского, приводит нас к пониманию содержания официального имперского дискурса о польской государственности.

2.2. Петербургская пресса о национальном аспекте в Восстании 1830 – 1831 гг.

Польское Восстание 1830-1831 гг., имевшее в своей идеологической основе достаточно сильный националистический компонент¹⁶⁸, не могло не сказаться на националистической риторике властного дискурса Российской Империи¹⁶⁹. Большинство последних исследований, которые посвящены репрезентациям польского в политическом лексиконе Российской Империи, основываются на материале второй половины XIX века¹⁷⁰, и 1830-е годы

¹⁶⁷ Там же. С. 4.

¹⁶⁸ См. Remy J. Higher Education and National Identity. Polish Student Activism in Russia. 1832-1863. Helsinki, 2000.

¹⁶⁹ Польский исследователь П. Глушковский обращает внимание на то, что в период, предшествующий Восстанию польская культура и польский язык получили большую популярность в среде просвещенного русского общества.

См. Глушковский П. Ф.В.Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. – СПб, 2013.

¹⁷⁰ Долбилов М. Поляк в имперском политическом лексиконе// Новое литературное обозрение. 2011. №108, Он же. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном

освещаются в них достаточно фрагментарно. Однако именно Польское восстание послужило для русской общественности своеобразной лакмусовой бумажкой, принудив её представителей выразить более-менее чётко оформленное мнение о польском вопросе.

Для комплекса источников, рассматриваемого нами, справедливо отметить, что репрезентации *польского* в них существовали в рамках определенной парадигмы, заданной Манифестом Николая I, опубликованном в «Северной Пчеле»¹⁷¹ 13 декабря 1830 года и затем перепечатанного в остальных газетах.

Манифест состоит из двух частей: собственно самого манифеста и отдельного «Воззвания к войскам и народам Царства Польского». Заговорщики, по мнению императора, «обманом увлекли народ... и наполнили город ужасами безначалия»¹⁷². Николай I перечисляет те средства, которые используют в своих корыстных целях заговорщики: «обман, угрозы и обольщения»¹⁷³. Впоследствии этот «список» будет дополнен и расширен в январской статье из рубрики «Внутренние известия», причем в последней проводится классификация методов воздействия на население по разным социальным группам. «Клевета, ложь, громкие разглагольствования» – это для «толпы народной, которая слушает их, разинув рот, и ничего не понимает»¹⁷⁴. Для просвещенной части нации – «хитросплетенные умствования, превратное изложение дел, подделка официальных бумаг,

крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. С. 127—174; Wiech S. Spoteszenstwo Krolestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866—1896). Kielce, 2002 и др.; Горизонтов Л. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX-начало XX в.). – М.: Индрик, 1999.

¹⁷¹ Северная Пчела. 1830. № 143 с.5.

¹⁷² Там же. С.5.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. 1831. № 5. С.1.

ядовитые к ним дополнения»¹⁷⁵. Для «воспламенения охладевающих и утрашения робких» – «изрыгали ругательства..., употребляли язык насилия и ужаса, угрожали виселицей и кинжалами»¹⁷⁶. Заговорщики «без стыда подделывают и изменяют официальные акты, когда не могут воспрепятствовать их распространению»¹⁷⁷. В частности, то же было сделано и с Манифестом, о котором шла речь ранее: например, слово «верность», которой всегда, по мнению императора, отличались польские воины, заменена на «слава». «Слово «верность», должно быть нестерпимо для мятежников», – заключает автор¹⁷⁸.

Интересен тот факт, что в Манифесте Императора впервые с явно негативной коннотацией употребляется слово «чернь»¹⁷⁹, которая и поддержала восстание. Выражение «неистовствующая чернь» впоследствии будет употребляться достаточно часто. Согласно «Словарю Академии Российской», чернь – это «простой народ»¹⁸⁰. То же и в «Словаре Церковно-славянского и русского языка»¹⁸¹. Здесь мы видим прямое противопоставление черни «простых людей», «крестьян», «земледельцев». Отсюда можно сделать вывод, что под чернью понималась не какая-то конкретная социальная прослойка, а представители простонародья, запятнавшие свою честь участием в восстании. Изучение трансформации значения слова «чернь», безусловно, заслуживает отдельного исследования в духе *begriffsgeschichte*¹⁸².

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же. С.2.

¹⁷⁷ Русский инвалид. 1831. № 5. С.2

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же. 1830. №152. С.3.

¹⁸⁰ Словарь Академии Российской. 1806-1822. Ч.V. С. 702

¹⁸¹ Словарь Церковно-славянского и Русского языка. 1847. Т.IV. С. 454

¹⁸² См. История понятий, история дискурса, история метафор/ Под ред. Х.Э.Бёдекера. – М. Новое литературное обозрение, 2010. Исторические понятия и политические идеи в России

В своём Манифесте Николай I указывает, что понимает, что «не все подданные, не все жители Варшавы были участниками бунта и плачевных его следствий»¹⁸³, и обещает им «правосудие без мщения»¹⁸⁴. Обращаясь к жителям Царства Польского, Император говорит, что «сборище людей недостойных, бесславящих имя Польское... склонило часть войск к измене, и в ослеплённой народной толпе распространилось пагубное заблуждение насчёт драгоценнейших свойств вашего отечества»¹⁸⁵.

Важным в данном контексте представляется то, что, само по себе, обращение в *столичных газетах на русском языке* к польскому населению Империи¹⁸⁶ мало могло способствовать осуществлению целей, которые эксплицитно поставлены в тексте Манифеста. Публикация его, скорее всего, представляло собой акт идеологического характера. Для Империи было важно четко обозначить, пусть и ничем не подтверждённую, лояльность большей части населения её окраин к имперскому центру¹⁸⁷. Одновременно с этим Николай I обращается и к русским, говорит о том, что они «исполнены ревностью к престолу»¹⁸⁸, что в скором времени они на деле повторят

XVI-XX веков/ Под ред. Н.Е.Копосова. – СПб. Издательство Европейского университета, 2006.

«Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2-х томах/ Под ред. А.Миллера, Д.Сдвижкова, И.Ширле. Новое литературное обозрение, 2012.

¹⁸³ Северная пчела. 1830. № 148. С.5.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же. С.6.

¹⁸⁶ Надо отметить, что манифест также опубликован и в газете «Tygodnik Petersburski» - в данном случае, он мог служить и осуществлению целей, заявленных Императором в манифесте. См: Tygodnik Petersburski. 1830. № 44. С.6-9

¹⁸⁷ См. об этом: Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.

¹⁸⁸ Северная пчела. 1830. № 148. С.5.

«клятву непоколебимой верности»¹⁸⁹. Здесь мы видим сознательно употребляемый приём антитезы, который характерен именно для националистического дискурса, позволяя авторам генерализировать черты характера и качества дискриминирующей и дискриминируемой национальных общностей¹⁹⁰.

Интересно, что впоследствии этот же приём будет использован, но только при противопоставлении полякам финнов. В статье «О Финляндии» из рубрики «Современная история»¹⁹¹ под предлогом опровержения слухов, распускаемых иностранными газетами, о том, что в Финляндии готовится, либо уже началось восстание, проводится противопоставление финнов полякам¹⁹². Как полагает автор, новость о Восстании вызвала у жителей Финляндии «отвращение и негодование». «Кто имеет хоть малейшее понятие о нравах и характере финской нации, – пишет автор статьи¹⁹³, – тот знает, что собственно революция в Финляндии даже невозможна»¹⁹⁴. Автор считает, что «флегматичный характер [финского] народа причиной тому, что его нелегко ввести в заблуждение обманчивыми внушениями»¹⁹⁵. И, наконец:

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Долбилов М. Поляк в имперском политическом лексиконе// Новое литературное обозрение. 2011. №108; Горизонтов Л. Как найти поляка? Теория и практика национальной дискриминации//Л. Горизонтов. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX-начало XX в.). – М.: Индрик, 1999

¹⁹¹ О Финляндии//Северная Пчела. 1831. № 114. С.3-4

¹⁹² Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 97-147.

¹⁹³ Как указывает в своей статье петербургская исследовательница Т.В.Андреева, статья, возможно, была инициирована самим Николаем I. См.: Андреева Т.В. Николай I и финляндский вопрос. 1830-1831 гг. // Петербургский Исторический журнал. №2, 2015. С.68

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же. С.4.

«Трудолюбивые, честные, преданные своей вере, [финны] неоспоримо имеют великие преимущества в нравственном отношении [перед поляками], хотя в умственном до сего времени отношении еще должны уступать»¹⁹⁶. Такое сравнение снова возвращает нас к теории и практике дискриминации национальных групп в Российской Империи. Автор статьи имплицитно выделяет определенные черты характера, которыми в имперской ментальной парадигме наделяются поляки и финны¹⁹⁷. Автор даёт понять, что для жителя Империи гораздо более ценным качеством является лояльность к ней, нежели превосходство в интеллектуальном развитии. Автору важно это подчеркнуть, поскольку для Финляндии, как для части Империи, наделенной собственной государственностью, Восстание могло стать «проверкой на прочность» и выявить степень лояльности финляндских элит к Петербургу. Статья возвращает нас также к моменту, связанному наличием у Царства Польского и Великого Княжества Финляндского особого статуса: финны, в отличие от поляков, свято чтят память Александра I и считают его своим благодетелем¹⁹⁸.

По мере развития событий в освещении новостей из Варшавы начинает высказываться суждение о том, что помимо того, что Восстание поддерживают немногие поляки, многие из тех, кто раньше поддерживал мятеж, уже раскаиваются в этом. Шестого января 1831 года в Прибавлении к газете «Русский Инвалид» писали о том, что «люди зрелого ума» желают «отвратить бурю и предать участь милосердию Государя»¹⁹⁹, - это первая группа. Вторая – это те, кто взялся за оружие «вследствие пагубного ослепления». Они признали свои заблуждения, но «скорее согласятся идти в

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: «Индрик», 2010. 368 с.

¹⁹⁸ О Финляндии//Северная Пчела. 1831. № 114. С.3-4

¹⁹⁹ Русский Инвалид. 1831. № 4. С.2

безнадёжный бой, нежели сложат оружие без боя»²⁰⁰. И, наконец, третья группа – это «необузданная молодёжь», которая «бросается в неравный бой, не исчисляя сил своих, не помышляя о бедствиях, в которые ввергают отечество»²⁰¹. Авторы этой заметки замечают в Варшаве начатки междоусобной войны. Во всех сословиях жителей «царит недоверчивость», «всяк смотрит за другим, и все боятся друг друга»²⁰². Намного позже, летом, в газете «Северная Пчела», в рубрике «Корреспонденция» будет опубликован «Перечень письма из Варшавы», которое, если верить редакторам, написано жителем Варшавы родственнику в Петербург²⁰³. Несмотря на то, что между заметками – временной промежуток в полгода, они, в целом, очень похожи. Однако методы мятежников в изображении автора статьи уже несколько другие: «Революционеры увлекли войско на свою сторону страхом наказания за первую измену, жалостью и преступлением товарищей и несбыточной надеждой на чужеземную помощь»²⁰⁴. Рассказано о «нелепицах», которыми пугают мужиков: уверяют их, что по пришествии русских войск все мужское население отправят в Сибирь на ловлю куниц и соболей, вынудят отречься от католицизма и отдадут девиц русским солдатам²⁰⁵.

Опять же появляется пресловутая «чернь»: её по утверждению автора «заманили обещанием улучшения участи и прельстили своевольством»²⁰⁶. «Беспрерывно буйную пьяную чернь» мятежники держат, «как бешеную собаку на привязи, чтобы спустить её на мирного прохожего»²⁰⁷. Помещики и высшее купечество названы «лучшей частью нации»²⁰⁸. Здесь стоит

²⁰⁰ Там же. С.1.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же. С.2.

²⁰³ Перечень письма из Варшавы// Северная Пчела. № 145-147.

²⁰⁴ Там же. № 145. С.3.

²⁰⁵ Там же. № 147. С.3.

²⁰⁶ Там же. № 145. С.4.

²⁰⁷ Перечень письма из Варшавы// Северная Пчела. № 145. С.4

²⁰⁸ Там же.

упомянуть о следующей тенденции: во всех статьях и заметках «Северной Пчелы» применительно к полякам используется слово «нация» и «национальный», а не «народ» и «народный», применяющиеся по отношению к русским.

В статье также поднимается вопрос о Варшавских сеймах. По выражению автора, заговорщикам только и хотелось, что «шуму на Сеймах»²⁰⁹, на которых ныне только и есть, что «смешные, глупые споры о словах, теориях, хвастовство, личности, высокопарный вздор»²¹⁰. Тема польского Сейма не редка для «Северной Пчелы». Политическая система, которая существовала до разделов Польши, и Сейм, как её яркое проявление, признаются гибельными для этой страны и считаются порождением национального польского характера: «Поляки вовсе не имеют постоянства, ни холодного рассудка, действуют всегда по минутному внушению, и каждый из них [поляков] думает только о себе» - от этого сеймы «впали в расстройство»²¹¹. «Прежде, бывало, каждый метит в короли, а ныне добиваются в демагоги», – в этом причина всех бедствий Польши²¹². Ныне происходит «повторение отвратительного явления польской анархии», - утверждает автор статьи «Размышления о нынешней польской революции». То, что происходит сейчас в Царстве Польском – это «гнусные проказы польского республиканского своеволия»²¹³. А в статье из рубрики «Внутренние известия», перепечатанной из «Прусской государственной газеты»²¹⁴, говорится о «неизгладимом характере» польских сеймов: «разглагольствования, хвастовства, споры, побранки и взаимные ругательства».

²⁰⁹ Перечень письма из Варшавы// Северная Пчела. № 145. С.4.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ О Польской Революции// Северная Пчела. 1831. № 64. С.4.

²¹² Там же.

²¹³ Размышления о нынешней Польской Революции// Северная Пчела. № 75. С.3.

²¹⁴ Северная Пчела. 1831. № 103. С.1-2

Ораторами руководствует, по мнению автора заметки, «не благо отечества, не выгода общего дела, а удовлетворение личным страстям, охота отличиться пустым красноречием, действия интриг и бестолковый либерализм»²¹⁵.

Такая трактовка политической системы Речи Посполитой, следствием которой, по мнению автора, является возникновение особой политической культуры, приведшей некогда процветающее государство к краху, в рассматриваемый нами период была достаточно популярна: яркими проявлениями этой тенденции стоит считать труды Бандтке²¹⁶ и Погодина²¹⁷,

Любопытно, что мысль о политическом неблагополучии польского народа особенно ярко проявляется в статьях из газеты «Tygodnik Petersburski», ориентированных на жителей бывших литовских земель. Что немаловажно, появляются они в тот момент, когда литовские земли охватывает восстание. Возникает вопрос: что же в рамках имперского дискурса о западных окраинах можно считать «Литвой», и кого можно назвать литовцем? Единого ответа на эти вопросы газеты «Tygodnik Petersburski» и «Северная Пчела» не дают.

В случае статьи «О Польской Революции» эта проблема решается достаточно однозначно: «Смешно утверждать, будто области Великого княжества Литовского, присоединенные по случаю брака (имеются в виду

²¹⁵ Там же. С.1.

²¹⁶ Бандтке Г.С. История государства Польского. СПб., 1830. Вероятно, именно этот труд Бандтке, вышедший из печати незадолго до Восстания, стал для авторов статьи источником подобных суждений.

²¹⁷ См., например: Погодин М.П. Рецензия польской Истории Бандтке// М.П.Погодин. Польский вопрос: собрание рассуждений, записок и замечаний. М., 1868. Он же. Исторические размышления об отношении Польши к России// Польский вопрос... Подробнее: Аржакова Л.М. «Польские» статьи М.П.Погодина 1830-х годов// Славянский альманах. 2007. М., 2008. С 66-78.

события 1569 года. – *А.Ш.*), составляют часть Польши»²¹⁸. Александр I, как замечает автор статьи, говорил о том, что Литва может со временем войти в состав Царства Польского, *пребывая в заблуждении относительно истинного характера поляков* и их отношения к России²¹⁹.

Этой мысли вторит автор статьи «Размышления о нынешней Польской революции», адресованной непосредственно литовцам. Правда, под «литовцами» авторы статьи подразумевают всех жителей всех польских губерний, не входящих в состав нынешнего Царства Польского²²⁰. Как можно видеть, два определения вступают друг с другом в противоречие, что, в принципе, можно объяснить тем, что статьи были перепечатаны из двух разных газет²²¹. «Мы, литовцы, вместо того, чтобы брататься с сими подвижниками безумия и коварства, должны благословлять Провидение, что оно, наконец, проложило между нами и поляками двойной рубеж, политический и нравственный»²²², – эта фраза настолько ярка, что комментировать её нет необходимости. Автор, литовец по происхождению, полагает, что в течение долгого времени – с Кревской унии – Литва, преемница Великого Княжества Литовского, подвергалась унижениям, использовалась Польшей в корыстных целях, а жители Литвы подвергались гонениям: «Мы уверены, что ныне не будем жертвами оных [поляков], как это было лет сорок или пятьдесят назад»²²³. Литва всегда была и всегда будет частью Руси – уверен автор. Литва была сведена с Польшей из-за деятельности Ягайло («Ягеллона»), он же направил её на ложный путь,

²¹⁸ О Польской Революции// Северная пчела. 1831. № 64

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Цит. по: Размышления о нынешней Польской Революции// Северная Пчела. 1831. № 73. С.3.

²²¹ Первая – из прусской «Allegemeine Zeitung», а вторая – из «Tygodnik Peterburski»

²²² Размышления о нынешней Польской Революции// Северная Пчела. 1831. № 73. С.3.

²²³ Размышления о нынешней Польской Революции// Северная Пчела. 1831. № 73. С.3.

приняв католичество вопреки желанию самих литовцев²²⁴. Автор видит причину постоянных разногласий литовцев и поляков в различиях «национальных правил», «монархических и твёрдых»²²⁵ у литовцев. Поляки же «с давних пор привыкли к государственным установлениям более или менее демократичным и любили смятение»²²⁶.

Интересно то, что все эти статьи публиковались на фоне развертывания военных действий на территории бывших литовских земель. Обратимся к хронологии событий. 30 марта 1831 года «Северная Пчела» публикует указ Императора о введении военного положения в Курляндской губернии из-за «беспокойств» в Виленской²²⁷ губернии²²⁸. Уже через четыре дня в рубрике «Внутренние известия» редакторы «Северной Пчелы» публикуют в газете небольшую заметку под названием «Известия из Полангена²²⁹ от 26 марта 1831 года»²³⁰. Автор заметки уверяет читателя, что эти самые «волнения» - не более, чем бунт крестьян Тельшевского уезда, в отряде которых примерно 20 человек. В той же статье сообщается о полном разгроме крестьянской шайки²³¹. Однако в № 74 в рубрике «Внутренние известия» мы видим «Перечень письма из Митавы²³²», в котором вместо взбунтовавшихся крестьян уже фигурируют «мятежники»²³³, как бы подчеркивая их связь с польскими повстанцами. Интересно то, что автор всеми средствами пытается нас уверить в том, что мятежниками командует прибывший из Варшавы

²²⁴ Там же. № 75. С.4.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же.

²²⁷ В состав Виленской губернии на момент начала Восстания входили 11 уездов: Браславский, Виленский, Вилькомирский, Завилейский, Ковенский, Ошмянский, Россиенский, Тельшевский, Трокский, Упитский и Шавельский. Большая часть земель Виленской губ. сейчас – в составе Белоруссии, часть принадлежит Литве.

²²⁸ Северная Пчела. №70. С.1

²²⁹ Современный литовский город Паланга на побережье Балтийского моря

²³⁰ Северная пчела. 1831. № 74. С.1-2

²³¹ Там же. С.2.

²³² Современный город Елагва в Литве. В то время - главный город Курляндской губернии.

²³³ Северная Пчела. 1831. № 78. С.1-3

полковник, имя которого не упоминается²³⁴. Поланген, однако, очищен от бунтовщиков благодаря храбрости и верности присяге русских офицеров, расквартированных в Курляндии. Автор письма – один из них²³⁵. Особенно интересно упоминание о том, что «несчастные ослеплённые литовские крестьяне... *против воли* (курсив мой – А.Ш.) приняли участие в сем возмущении», поскольку они были подстрекаемы духовенством²³⁶. Как тут не вспомнить нападки на католическое духовенство автора письма из Варшавы, речь о котором шла выше: «Польские ксензы более всех виноваты. Во-первых, в том, что не удержали народ от бунта, а во-вторых, что приняли в нём участие». Именно католические священники «возбуждают к неповиновению, кровопролитию..., осмеливаются играть присягой и обманывать во имя веры»²³⁷. Возвращаясь к заметке о восстании в Литве, надо сказать, что автор «письма» отмечает тот факт, что «высшее дворянство и шляхта... почти без исключения пристали к бунтовщикам»²³⁸.

Через некоторое время «Северная Пчела» публикует заметку «О Виленском заговоре»²³⁹, уже признавая его существование. «Из разных лиц, *приверженных к польской нации* (курсив мой – А.Ш.) [составился] заговор, имеющий целью, свергнув в Литве власть Российской Империи, присоединиться к Польским мятежникам для восстания на Россию». Однако, по всей видимости, специально подчеркивается незначительность заговора рассказом о прапорщике Кудревиче, который оказался двойным агентом и участвовал в организации заговора для того, чтобы впоследствии раскрыть его и выслужиться перед начальством²⁴⁰.

²³⁴ Там же. С.3.

²³⁵ Там же. С.1.

²³⁶ Там же. С.3.

²³⁷ Перечень письма из Варшавы// Северная Пчела. № 147. С.4.

²³⁸ Северная Пчела. 1831. № 78. С.3

²³⁹ О Виленском заговоре// Северная Пчела. №80. С. 1-2

²⁴⁰ Там же. С.1

В № 88 от 23 апреля 1831 г. В рубрике «Внутренние известия» напечатано очередное «Письмо из Митавы»²⁴¹, в котором говорится об освобождении Полангена от мятежников. Большую подмогу в этом оказало, как это ни удивительно, местное духовенство: «Начальник отряда, призывая к себе ксензов и еврейских кагалов, раздал им несколько экземпляров Высочайшего указа и объявил, что по очищении здешних мест от бунтовщиков должен воцариться прежний порядок, и подтвердил им, что они под опасением строжайшего наказания должны пещись о сохранении тишины и благоустройства и доносить о всяком покушении бунтовщиков»²⁴². Однако эти меры не были так уж необходимы, поскольку «тамошние крестьяне охладели к внушениям бунтовщиков, утрачены быстротою и твёрдостью, с какими их преследуют, и раскаиваются в своём заблуждении». Крестьян, а именно они, по мнению автора, составляют основную массу бунтовщиков – в чём, несомненно, видно чёткое различие с социальным составом участников восстания на территории Польши – образумило «прощение, дарованное покоряющими, и дозволение воротиться по домам и заняться сельскими работами»²⁴³.

Анализ рассматриваемых нами источников позволяет говорить о том, что их авторы, находясь в рамках националистического дискурса, включают в поле национального вопросы о польской государственности, национальном характере поляков, акцентируют вопрос о лояльности национальных групп (поляков и финнов) к Империи и полемизируют с польским национальным проектом в случае, когда он касается т.н. литовских земель.

²⁴¹ Письмо из Митавы//Северная Пчела. № 88. С.1-2

²⁴² Там же. С.1.

²⁴³ Письмо из Митавы//Северная Пчела. № 88. С.2

Заключение

Настоящая работа посвящена тому, как в столичной периодической печати преломлялись события Польского восстания 1830-1831 гг. На наш взгляд, рассмотрение газет «Северная Пчела», «Русский Инвалид» и «Tygodnik Petersburski» как единого комплекса источников выглядит абсолютно оправданным: в работе указывается на то, что для них характерна циркуляция материалов из одной газеты в другую. Кроме того, как показывается в 1 главе исследования, редакторы, авторы газет нередко находились в одной парадигме восприятия общественно-политического и, как следствие, самого Польского восстания. Именно по этой причине представляется достаточно сложным каким-либо образом дифференцировать материалы, которые мы находим на страницах газет.

Кроме того, как нам кажется, удалось показать, что, даже в условиях жесткой цензуры Николаевской России, для тематического наполнения и идеологической направленности чрезвычайно важен личный фактор. Особенно ярко это проявляется в примерах с редакторами газет «Северная Пчела» (Ф.В.Булгарин) и «Tygodnik Petersburski» (О.И.Пржецлавский), которые имели к Польше непосредственное отношение. В этом случае большое значение имеет конфликт многокомпонентных (польской и имперской) идентичностей этих персонажей – проблема, которая требует отдельного обстоятельного исследования. Во второй главе исследования была

предпринята попытка рассмотреть несколько компонентов образа *польского*, которые можно найти на страницах газет²⁴⁴.

В первой части главы мы рассматриваем то, как авторам газеты виделись причины начала Восстания – вопрос очень болезненный по той причине, что до самого окончания Восстания авторы отказывались признавать наличие каких-либо объективных причин, побудивших польское национально-освободительное движение к активизации. Эта проблема в видении авторов источников тесно перекликается с вопросом о состоянии польских земель в период с 1815 по 1830 гг.: особенно важен здесь был вопрос о конституционном устройстве Царства Польского.

Во второй части главы рассматривается целый комплекс вопросов, связанных с национальными аспектами проблем, которые повлекло за собой Польское Восстание 1830-1831 гг. Была рассмотрена проблема интерпретации в источниках *национального*, формирования стереотипа поляка как образа другого, корреляция его с другими стереотипами, существовавшими в имперской парадигме восприятия народов (на

²⁴⁴ В ходе исследования было решено намеренно отказаться от исследования поэтических откликов на Польское восстание 1830-1831 гг., большое количество которых было опубликовано на страницах газет «Русский Инвалид» и «Северная Пчела». Автор признает большую важность именно этих источников в имагологическом контексте, но, на наш взгляд, достаточно подробно и качественно раскрыл эту тему челябинский исследователь К.В.Ратников, составитель антологии поэтических откликов на Польские восстания: Старый спор: Антология русских поэтических откликов на польские восстания 1794, 1830-1831, 1863-1864/ Сост. Ратников К.В., Челябинск, 2012. – 578 с. и К.В.Ратников. Поэтические отклики на Польское восстание 1830-1831 гг. как дополнительный исторический источник// Альманах современной науки и образования, 2007. № 7. С. 153-155.

примере финнов) и целый комплекс вопросов, связанных с Литвой, территории, входившей одновременно и в польский, и в русский имперский национальные проекты.

Рассмотренный нами комплекс источников позволяет нам говорить о том, что в них можно выделить определенный ряд образов, которые, как сами являются порождением властного дискурса об империи, так и оказали сами значительное влияние на формирование в российском обществе стереотипа поляка как части той большой проблемы, которая в истории русской общественной мысли получила название польского вопроса.

Список источников и литературы

Список источников

Бандке Г.С. История государства Польского. СПб., 1830.

Погодин М.П. Исторические размышления об отношении Польши к России// М.П.Погодин. Польский вопрос: собрание рассуждений, записок и замечаний. М., 1868.

Погодин М.П. Рецензия польской Истории Бандке// М.П.Погодин. Польский вопрос: собрание рассуждений, записок и замечаний. М., 1868.

Пржецлавский О.И. Цензура// Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М., 2010. – 912 с.

Русский Инвалид или Военные ведомости. 1830-1831.

Северная Пчела. 1830-1831.

Словарь Академии Российской. 1806-1822. Ч.V. – 702 с.

Словарь Церковно-славянского и Русского языка. 1847. Т.IV. – 454 с.

Чаадаев П.Я. Несколько слов о польском вопросе// Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2 т. М., 1991.

Ein paar Worte über die Polnische Revolution// Allegemeine Zeitung. 1831. №81
Tygodnik Petersburski. 1831.

Список литературы

Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. – 212 с.

- Андреева Т.В. Николай I и финляндский вопрос. 1830-1831 гг. // Петербургский Исторический журнал. №2, 2015. С.52-78.
- Аржакова Л.М. «Польские» статьи М.П. Погодина 1830-х гг. // Славянский альманах. 2007. – М.: Индрик, 2008. С. 187-194.
- Аржакова Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. – СПб., 2010. – 346 с.
- Аржакова Л.М., Якубский В.А. Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. // *Albo dies 504 notanda lapillo*. Коллеги и ученики – Г.Е. Лебедевой (Византийская библиотека). – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 173–193.
- Бачинин А.Н. Россия и Польша в историко-политической публицистике М.П. Погодина// Балканские исследования. – М.: Институт славяно- ведения и балканистики, 1992. – Вып. 16. – С. 167–179.
- Благой Д.Д. Пушкин в неизданной переписке современников (1815-1837)// Литературное наследство. М. 1952. Т.58. С.19.
- Борисевич А. Т. «Русский инвалид» за 100 лет: Юбилейный очерк. Ч. 1. СПб., 1913. 85 с.
- Великодная И.Л. Петр Вяземский и Франтишек Моравский. Эпизод из истории русско-польских литературных отношений // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М.: Индрик, 2000. – С. 120–125.
- Глушковский П. Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой полови- ны XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. – СПб.: Алетейя, 2013. – 232 с.
- Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. – М.: Индрик. 1999. – 272 с.
- Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М.: 2004. – С. 62–75.

- Горизонтов Л.Е. Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил»// Автопортрет славянина. – М.: Индрик. 1999. – С. 143–167.
- Горизонтов Л.Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи. 1831 г. – начало XX в.: Ключевые проблемы. Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 1999. – 40 с.
- Де Лазари А., Рябов О. Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика. Иваново, 2007.
- Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II– М.: Новое литературное обозрение. 2010. – 999 с.
- Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. С. 127—174.
- Долбилов М.Д. Поляк в имперском политическом лексиконе / М.Д. Долбилов // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. – М.: Новое литературное обозрение. 2012. – Т. 2. – С. 292–339.
- Жуковская Т.Н. Польский вопрос и русское общество в 1815–1825 гг.// Памяти Ю.Д. Марголиса: письма, документы, научные работы, вос- 512 поминания. СПб.: Серебряный век. Контрфорс, 2000. – С. 612–629.
- Западные окраины Российской Империи. – М. Новое литературное обозрение, 2007. – 608 с.
- Исторические понятия и политические идеи в России XVI-XX веков/ Под ред. Н.Е.Копосова. – СПб. Издательство Европейского университета, 2006.
- История понятий, история дискурса, история метафор/ Под ред. Х.Э.Бёдекера. – М. Новое литературное обозрение, 2010.
- Краюшкина Н.И. «На взятие Варшавы» в контексте официальной журналистики начала 1830-х гг.// Вестник Адыгейского Государственного университета. №1. 2010 г. С.192

- Кушаков А.С. Мицкевич и Пушкин: Образ на фоне историографии и историософии// Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 76-85.
- Кушаков А.С. Пушкин и Польша. Тула, 1990. Липатов А.В. Пушкин и Мицкевич: Личная дружба или творческое содружество?// А.С.Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000. С. 237-245.
- Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. – М.: Индрик, 2010. – 368 с.
- Липатов А.В. Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (Государство и гражданское общество)// Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002. – С. 134–155.
- Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Мочалова В.В. Петербургские поляки (Сенковский, Булгарин) и Мицкевич // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. – М.: Наука, 2007. С. 118–135.
- Мочалова В.В. Польская тема у Пушкина// А.С.Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000. С. 134-145.
- Муравьёва О.Н. «Вражды бессмысленной позор»: Ода «Клеветникам России» в оценках современников// Новый мир. 1994. №6. С. 198-204.
- Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815-1830 гг.(экономическое и социальное развитие) . М., 1979. - 117 с.
- Отзвуки Шопена в русской культуре. М.: Польский культурный центр; Издательство «Индрик», 2012. 192 с.
- Парсамов В.С. Польский вопрос и русское общество между Венским конгрессом и польским восстанием 1830–1831 годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. – 2003. – Вып. 1. – С. 119–144

- «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2-х томах/ Под ред. А.Миллера, Д.Сдвижкова, И.Ширле. Новое литературное обозрение, 2012.
- Поляки и русские в глазах друг друга. М.: Индрик, 2000. – 272 с.
- Попков Б.С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель: Русская проблематика и контакты. М., 1974.
- Пушкарев А.С. «Вы грозны на словах – попробуйте на деле»: А.С.Пушкин как выразитель русского общественного мнения о Польском восстании 1830-1831 гг.// Наш современник. 2001. №6. С. 88-95.
- Ратников К.В. Поэтические отклики на Польское восстание 1830-1831 гг. как дополнительный исторический источник// Альманах современной науки и образования, 2007. № 7. С. 153-155.
- Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М.: Индрик, 2002. – 344 с.
- Смирнова Т. Поляки Петербурга в начале XX века как часть городского социума // Новая Польша. 2010. № 3.
- Старый спор: Антология русских поэтических откликов на польские восстания 1794, 1830-1831, 1863-1864/ Сост. Ратников К.В., Челябинск, 2012. – 578 с.
- Фалькович С.М. Концепции славянского единства в польской и русской общественной мысли: Эпоха национально-освободительных восстаний// Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. С. 99-109.
- Фалькович С.М. Представления русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа// Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М.: Индрик, 2002. – С. 99–109.
- Федосов И.А. Революционные кружки в России конца 20-х – начала 30-х гг. XIX века// Исторические записки, 1957. №59. С.211-254.
- Федута. А. «Город пышный, город бедный...» глазами польских подданных Российской Империи// Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5-25.

- Филатова Н.М. Образ врага в польской повстанческой поэзии 1830–1831 гг. // Культура сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2006. – С. 85–102.
- Филатова Н.М. Русские и поляки в Королевстве Польском (1815–1830): стереотипы взаимного восприятия / Н.М. Филатова // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М.: Индрик, 2002. – С. 110–118.
- Фризман Л. Пушкин и польское восстание 1830-1831 гг.// Вопросы литературы. 1992. Вып 3.С.210-237.
- Фруменков Г.Г. К вопросу об отношении передовых представителей русского общества к восстанию в Польше 1830-1831 гг.// Сборник трудов Архангельского Государственного Педагогического Института им. М.В.Ломоносова, 1958. Вып. 2. С. 50-65.
- Шайтанов И.О. Пушкин и польский вопрос в контексте идеи всемирной истории// Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 76-85.
- Bortnowski W. Powstanie listopadowe w oczach Rosjan / W. Bortnowski. – Warszawa: Zakł. Graf. Politechniki Warsz., 1964. – 241 s.
- Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866) – Kraków: Arkana, 2000. – 581 s
- Kłak Cz. Romantyczne tematy i dylematy. Echa powstania listopadowego w literaturze, historiografii i publicystyce – Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1992. – 207 s.
- Kucharska E. Echo powstania Listopadowego w literaturze rosyjskiej// Zeczyty naukowe WSP w Opolu. Filologia Rosyjska. I. Opole, 1962.
- Mieczy I galazke oliwne. Antologia poezji Rosyjskiej o Polsce// Wyb. J. Orłowski. Warszawa, 1995.
- Nowak A. Jak rozbić Rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej (1733– 1921). – Kraków: Arcana, 1999. – 372 s.

Nowak A. *Od Imperium do Imperium: Spojrzenia na historię Europy Wschodniej.*
– Kraków: Arkana, 2004. – 399 s.

Orłowski J. *Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej.* Warszawa,
1992.

Wiech S. *Spoteszenstwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej
(1866—1896).* Kielce, 2002. – 245 s.